

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский научный и культурный центр в Минске

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2015

3 Словарь русских народных говоров. Выпуск 17: Леснокаменный – Масленичать / гл. ред. Ф. П. Филин; сост. Н. И. Андреева-Васина, Ю. Ф. Денисенко, О. Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая, П. И. Павленко, И. А. Попов, Н. В. Попова, О. Г. Порохова, Е. Н. Этерлей; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Ленинград : «Наука», 1981. – 384 с.

4 Словарь русских народных говоров. Выпуск 14: Кобзарик – Корточки / гл. ред. Ф. П. Филин; Сост. О. Д. Кузнецова, О. Г. Порохова, П. И. Павленко, Е. Н. Этерлей; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Ленинград : «Наука», 1978. – 376 с.

5 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 2 И – О / В. И. Даль. – 2-е изд., «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора». – Спб.-М. : «Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа», 1881. – 807 с.

6 Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.

7 Лингвострановедческий словарь [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title> – Дата доступа: 30.10.2015.

8 Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: «Институт славяноведения РАН», 1995. – Т. 2: Давать – Крошки. – 687 с.

9 Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://phrase_dictionary.academic.ru – Дата доступа: 30.10.2015.

УДК 821.161.1.09

Т. И. Тверитинова

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ»: СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ В БАЛЛАДЕ В. А. ЖУКОВСКОГО «СВЕТЛАНА»

В статье рассматриваются славянские святочные гадания в балладе В. А. Жуковского «Светлана». Исследуется специфика представлений о святочном цикле, способах гадания. Прослеживаются особенности святочной фантастики сна и – как вариант – благополучная развязка после столкновения человека с потусторонними силами.

Еще при работе над своей первой балладой «Людмила» В. А. Жуковский обнаружил нетронутые целые пласты русской народной фантастики, назвав их «национальной поэзией, которая... пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания» [1, с. 89]. Именно эти источники были использованы поэтом в работе над балладой «Светлана» (1808–1812). Сюжета о встрече с мертвым женихом в русском фольклоре еще не существовало, зато В. А. Жуковский там обнаружил множество преданий и легенд, имеющих немало общего с ним, натолкнувшись, в частности, на материал русской обрядовой поэзии и различные типы святочных гаданий, во время которых, по народным поверьям, невесте являлся жених. Поэтому, положив в основу новой баллады сюжетную схему «Леноры», В. А. Жуковский, пользуясь широким кругом устных и письменных фольклорных источников, значительно изменил свой текст, максимально приблизив его к русскому фольклору.

Время действия в балладе «Светлана» – «крещенский вечерок», завершающий период зимних святок. В книге знатока народного быта М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» мы находим определение: «Святки, святые вечера так называются в России, да и не в одном нашем отечестве, а и за границей, дни празднества, дни веселья и дни священного торжества Рождества Христова, начинавшегося с 25 декабря и оканчивавшегося обыкновенно пятым января следующего года... На Руси нет ни одного празднования, которое бы сопровождалось таким богатым выбором обычаев, обрядов, примет и прочего, как так называемые Святки» [2, с. 9–10]. Святочный цикл включал в себя посещение дома ряжеными, явные гадания девушек «на блюде», тайные гадания, связанные с вызыванием суженого и загадыванием сна. «Всматриваясь в святочные обычаи, – замеча-

И. П. Сахаров, – мы всюду видим, что наши Святки созданы для русских дев. В посиделках, гаданиях, играх, песнях – все направлено к одной цели – к сближению суженых... Наша старая Русь воскресает только на Святках» [3, с. 289]. Во время Святков различали «святые вечера» (25–31 декабря) и «страшные вечера» (1–5 января). Однако следует отметить специфику особенной атмосферы всего святочного цикла, когда девушки, согласно фольклорным представлениям, в попытках узнать свою будущую судьбу вступали в опасную игру с нечистой силой. «Последние святочные гадания о суженом, – утверждает В. И. Даль, – проходили в канун крещенского сочельника, а затем беса выгоняют метлами из дому и из селения» [4, с. 339].

Гадание Светланы приходится на наиболее «страшный» – «крещенский вечерок», завершающий святочный цикл. В начале произведения В. А. Жуковский, четко обозначив место и время действия, описывает явные гадания, к которым обращаются девушки-подружки Светланы. «*За ворота башмачок, сняв с ноги, бросали*», то есть девушки снимали «с левой ноги башмаки и кидали их за ворота, наблюдая при этом, куда башмак ляжет носком, в ту сторону будет отдана кидающая; когда же башмак ляжет носком к воротам, из которых выкинут, девушке в этот год – жить дома и не выходить замуж», – поясняет М. Забылин [2, с. 26].

«*Снег пололи*». Старинное гадание, позволяющее узнать, сбудется ли загаданное желание. Обычно несколько девушек клали в снег кольца и загадывали то желание, исполнение которого было особенно важно. Затем одна из них брала решето и, накрыв им снег в том месте, где лежали кольца, просеивала. Считалось, что загаданное обязательно исполнится у той девушки, чье кольцо попадет в решето. В некоторых регионах России «полоть снег» означало подбрасывать его вверх и наблюдать, как он падает. «В таком гадании участвовал не только снег, но и скатерть, которую девушки выносили на двор, разворачивали и, насыпав немного снега, брали за края и подбрасывали. Если снег падал ровно и звонко – быть девушке скоро замужем. Иногда при этом приговаривали: «Полю, полю, бел снег среди поля. Залай, залай, собаченька; дознай, дознай, суженый». После этого прислушивались к лаю собак. Хриплый лай обещал старого мужа, густой – вдового, звонкий – молодого» [3, с. 291].

«*Под окном слушали*» – одно из распространенных явных гаданий, когда, загадывая судьбу, ходили слушать под окна чужих домов и по разговору определяли характер будущего мужа: веселого, скучного или пьяницу. Возраст собеседников тоже имел значение: по нему определяли, молодым будет муж или старым.

«*Кормили счетным курицу зерном*». В. И. Даль замечает, что с давних времен «особо вещими считались сова, ворон, сокол, петух и курица» [5, с. 161]. Чаще всего при гадании брали домашнюю птицу – петуха или курицу. В данном случае курице давали поклевать зерно, а потом остаток пересчитывали. Если число было четным (парным), то быть девушке в паре (замужем), а если нечетное – то не будет пары до следующего года.

«*Ярый воск топил*» – одно из самых известных святочных гаданий, когда растопленный воск вливали в чашку с холодной водой и по образовавшимся фигуркам пытались предугадать свою судьбу.

Еще одно наиболее известное старинное гадание В. А. Жуковский передает обстоятельно и подробно, когда девушки, собравшись в общей избе, под руководством старшей свахи или нянюшки, «*в чашу с чистою водой клали перстень золотой, серьги изумрудны, расстлали белый плат и над чашей пели в лад песенки подблюдны*» [6, с. 134]. С окончанием каждой песни блюдо встряхивали, чтобы перемешать украшения, и одна девушка наугад вынимала оттуда что-нибудь. Если это было ее украшение, то и слова песни относились к ней. И. П. Сахаров замечает, что каждая песня имела свое значение; но все эти значения были не везде одинаковы. Во многих местах несколько песен имели одно и то же значение, смотря по местному обычаю. Значений было несколько: к свиданию, к скорому замужеству, к замужеству с ровнею, с чиновным, с милым, к богатству, к сытой жизни, к прибыли, к бедности, к болезни, к несчастью, к смерти [3, с. 293–294].

Светлана тоскует по своему жениху, о котором уже год как нет никаких вестей, но при этом она остается кроткой и терпеливой: «*Утоли печаль мою, / Ангел-утешитель*» [6, с. 134].

Гадание у зеркала, к которому обращается героиня, по народному поверью считается одним из «страшных» гаданий, предполагающих контакт с потусторонними силами. М. Забылин в своей книге поясняет суть гадания: «Устанавливаются два зеркала, одно против другого, так, чтобы образовался длинный коридор зеркал, и освещают оба эти зеркала парой свеч по сторонам. Затем в глухую полночь <...> глядят в меньшее из зеркал в представляющийся коридор. Иногда перед гаданием на столе ставят два прибора и говорят при этом: «Суженый! Ряженый! Приди ко мне ужинать!» Уверяют при этом, что при тишине вокруг, в безмолвии и внимании гадающей особы в зеркале увидят что-нибудь из будущего» [2, с. 34–35].

У В. А. Жуковского дано почти тождественно описание этого гадания: «Вот в светлице стол накрыт Белой пеленою; И на том столе стоит Зеркало с свечою; Два прибора на столе. «Загадай, Светлана; В чистом зеркале В полночь, без обмана Ты узнаешь жребий свой: Стукнет в двери милый твой <...> Сядет он за твой прибор Ужинать с тобою» [6, с. 135].

Потусторонние силы сигнализируют свой приход («С треском вспыхнул огонек»), и дальнейшее гадание сопряжено с иррациональным страхом («Занялся от страха дух»). Именно из другого мира и является жених, временной контакт с которым четко обозначен: от полуночи до петушиного крика. Он везет ее в церковь венчаться, однако описание их пути насыщено элементами зловещей фантастики: пустынно пространство, метель, воронье карканье, одинокий храм, в котором «яркий свет паникадил / Тускнет в фимиаме; / На середине черный гроб; / И гласит протяжно поп: / «Буди взят могилой!» [6, с. 136]. «Мир нечистой силы, - замечает Ю. М. Лотман, – мир, по отношению к обыденному, перевернутый, а поскольку свадебный обряд во многом копирует в зеркально перевернутом виде обряд похоронный, то в колдовском гадании жених часто оказывается подмененным мертвецом или чертом» [7, с. 267].

Как правило, неотъемлемой частью баллады является диалог. Функциональная роль его между персонажами, по мнению Д. М. Магомедовой, остается в литературоведении не до конца выясненной. «Очевидно, – считает исследовательница, – что диалог в балладе служит основной формой контакта между мирами» и именно он чаще всего демонстрирует движение сюжета от начала встречи представителей «того» и «этого» миров «до ее катастрофического завершения» [8, с. 42]. При этом реплики героев строятся по кумулятивному вопросно-ответному принципу, где каждая пара реплик все больше приближает к разрушению и гибели или к узнаванию страшной правды. Так, в предыдущей балладе В. А. Жуковского три пары реплик Людмилы и ее жениха оказываются тремя этапами приближения к смерти героини.

Однако столь привычного для баллады диалога, который приближает героиню к катастрофе, здесь мы не находим. Жених молчит, «бледен и унылый», а Светлана, подчеркивает В. А. Жуковский, робка, «вся дрожит от страха» [6, с. 136]. В отличие от Людмилы она подчиняется Божьей воле, что помогает ей в страшной ситуации: «Виден ей в избушке свет: / Вот перекрестилась; / В Дверь с молитвою стучит...»; «Пред иконой пала в прах, / Спасу помолилась; / И с крестом своим в руке, / Под святыми в уголке / Робко притаилась» [6, с. 137]. И ее услышали, но как разительно отличается дальнейшая судьба Светланы от Людмилиной! «Даже имя ее – Светлана – замечает Ю. А. Филонова, – образовано от слова «свет», «светлый», и связано с выражением «Божий свет», который проник в ее душу» [9, с. 44]. «Белоснежный голубок», символ Святого Духа, защищает ее от мертвеца и возможной катастрофы. Все страшное, что происходит со Светланой – темный лес, одинокая изба, гроб на столе и жених в гробу, – все оказалось лишь страшным сном, за которым следует пробуждение при сиянии дня.

М. Забылин отмечает, что при этом гадании сон встречается довольно часто: «Если сосредоточить на какую-нибудь неподвижную точку все свое внимание, то проявляются у многих нервных особ признаки сна или забытья, во время которого они теряют сознание, слух утрачивается на мгновение, даже самая мысль запутывается... Не этот ли самый напускной или искусственный первый сон действует на гадающую особу? Отсюда понятно, что усиленное напряжение нервов сосредоточивается в мозгу, действует на воображение и развивает из фантазий разные образы, часто непредвиденные» [2, с. 33].

Следует заметить, что при всех признаках балладного сюжета (наличие «этого» и потустороннего мира, из которого является мертвый жених; переход границы миров, который он совершает, благодаря гаданию у зеркала; полночное путешествие), финал «Светланы» оказывается противоположным балладному: героиня не погибает, а просыпается, и вторая встреча с женихом оказывается реальной и счастливой.

Таким образом, у В. А. Жуковского в балладе «Светлана» святочная фантастика, привидевшаяся героине во сне, оказывается несущественной перед верой в Провидение, снимая таким образом его «вещую», предсказывающую функцию.

Список использованных источников

- 1 Жуковский, В. А. Письмо М. А. Протасовой / В. А. Жуковский // Уткинский сборник. – М., 1904. – С. 89–92.
- 2 Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. Репринт. воспр. изд-я 1880 г. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 688 с.
- 3 Сахаров, И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков / И. П. Сахаров. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – Т. 1. – 800 с.
- 4 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. язык, 1989. – Т. I. – 699 с.
- 5 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. язык, 1990. – Т. III. – 555 с.
- 6 Жуковский, В. А. Светлана // В. А. Жуковский. Избранное / сост., вступ.ст. и прим. И.М. Семенко: [текст]. – М.: Правда, 1986. – С. 133–140.
- 7 Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : Пособие для учителя: [монография], [2-е изд.] / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
- 8 Магомедова, Д. М. К специфике сюжета романтической баллады / Д. М. Магомедова // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна : сб. статей. – М.: РГГУ. – 2001. – С. 39–45.
- 9 Филонова, Ю. А. Изучение жанра баллады / Ю. А. Филонова // Литература в школе. – 2010. – № 7. – С. 41–44.

УДК 81.161.1'373'373.6:316.7

Е. И. Тимошенко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ (на материале этимологических словарей славянских языков)

В статье выявляются тематические группы лексики, этимологический анализ которой невозможен без привлечения информации этнокультурного характера. К таким тематическим группам относятся названия мифологических существ, народных праздников, обрядов, растений, птиц и насекомых, а также названия предметов домашнего обихода.

Этимологический анализ лексики выполняется по определенным правилам, предполагающим объяснение различных аспектов слова. Во-первых, он учитывает ареальные (лингвогеографические) характеристики лексической единицы. Во-вторых, предполагает объяснение вех собственно языковых сторон слова, как фонетическая, словообразовательная и семантическая. В-третьих, для убедительного обоснования той или иной этимологической версии опирается на комплекс культурно-исторических сведений, необходимых как для определения исконного или заимствованного характера слова, так и для констатации адекватного ответа на реконструируемое содержание слова общественно-историческим условиям функционирования обозначаемой этим словом реалии или понятия. Именно в силу последнего